

курганах. Материалы, полученные в результате новых исследований археологических памятников Верхнего Поволжья, и прежде всего района Ярославля, позволяют внести определенную ясность в вопросы хронологии древнерусского заселения этого района, а равно и всего Северо-Востока.⁴⁶

Вторым важнейшим и давно дискутируемым вопросом является проблема исходных территорий древнерусского заселения Северо-Востока, а также этнического состава нового населения. Еще в своей работе «Владимирские курганы» А. А. Спицын намечал правильный путь решения данного вопроса, когда, споря с А. С. Уваровым относительно этноса могильников Владимирско-Суздальского ополья, говорил об их русской принадлежности, отмечая при этом, что «Владимирские курганы массами расположены именно там, где в X—XII веках жило русское население и существовали русские города».⁴⁷ Однако А. А. Спицын абсолютно отрицал участие финно-угров в процессе формирования древнерусского населения Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья, что современными археологическими данными легко опровергается. Наиболее точно этническую картину освоения древнерусским населением северо-восточных земель определил П. Н. Третьяков, подразумевающий под термином «славяно-русская колонизация» ее сложный характер и ведущую роль в ней славян при активном участии северо-западных финнов и местного финно-угорского населения. Это был не просто механический процесс передвижения населения, а сложное экономическое, социальное и политическое явление.

К настоящему времени в науке утвердились две основные гипотезы о том, где искать исходную территорию, с которой двигалось население в северо-восточные земли. В работах историков XIX и начала XX вв. оформилась северо-западная концепция: славяне пришли на Волгу из земли словен новгородских, причем авторы ее пользовались в основном скудными письменными источниками и данными лингвистики. Последней отводилась решающая роль в изучении данного явления.⁴⁸ В начале нашего века А. А. Спицын, оперируя данными археологии, пришел к выводу, что исходную территорию переселенцев следует искать на юго-западе в земле смоленских кривичей.⁴⁹ В современных археологических работах достаточно много внимания уделено этому вопросу, и большинство авторов считает, что основным

⁴⁶ Дубов И. В. Ярославское Поволжье в IX столетии.— Вестн. Ленингр. ун-та, 1976, № 14, с. 60—66.

⁴⁷ Спицын А. А. Владимирские курганы.— Известия Археологической комиссии, 1905, вып. 15, с. 165.

⁴⁸ Ешевский С. В. Русская колонизация..., с. 603; Соболевский А. И. Откуда шла колонизация в Ростово-Суздальскую область. М., 1902, с. 1—5.

⁴⁹ Спицын А. А. Владимирские курганы.— Известия Археологической комиссии, 1905, вып. 15, с. 163—172.

с самого начала был северо-западный район (IX—X вв.), а юго-западное направление приобрело значение позднее, в XI—XII вв.⁵⁰

Ярославское Поволжье в IX—XI вв.

IX столетие явилось переломным в истории всего Северо-Востока — от Белозерья до Владимирщины. На первоначальном этапе древнерусское население продвинулось лишь в один небольшой район — Ярославское Поволжье — и именно ему принадлежат памятники IX в. в узле Которосль — Волга.

Ранние этапы (IX—X вв.) формирования древнерусского общества в Ярославском Поволжье обеспечиваются в основном материалами широко известных курганных некрополей под Ярославлем — Тимеревского, Михайловского и Петровского. Если исследователям до этого приходилось иметь дело только с погребальными древностями, расположенными в этих пунктах,⁵¹ то ныне мы можем подходить к ним комплексно, используя материалы поселений, кладов, открытых в последнее время,⁵² и некоторых курганных групп, раскопанных в дореволюционный период и долгое время не учитывавшихся.⁵³

Ярославские курганные могильники в силу своей уникальности и хорошей изученности являются ключевыми памятниками в исследовании исторических событий, происходивших на территории Ярославского Поволжья в IX—XI вв. Датировка погребальных комплексов этих некрополей служит для объяснения таких исторических фактов, как древнерусское освоение края, появление и роль в данном районе норманнов, время функционирования и значимость Волжского торгового пути, становление древнерусского общества и древнерусской народности, формирование городской культуры и т. д. Наиболее важны в этом плане два узловых вопроса: проблема нижней даты могильников и время их максимального расцвета.

В работах И. А. Тихомирова и Я. В. Станкевич выдвинута

⁵⁰ Дубов И. В., Рябинин Е. А. Проблемы древнерусской колонизации Верхнего Поволжья (к историографии вопроса).— В кн.: История и культура славянских стран. Л., 1972, с. 57—65.

⁵¹ Ярославское Поволжье X—XI веков.

⁵² Добровольский И. Г., Дубов И. В. Комплекс памятников у деревни Большое Тимерево под Ярославлем (по археологическим и нумизматическим данным).— Вестн. Ленингр. ун-та, 1975, № 2, с. 65—70; Дубов И. В., Кухарева Л. С., Чукова Т. А. Ярославская экспедиция.— АО 1974. М., 1975, с. 57—58.

⁵³ Тихомиров И. А. 1) Отчет о раскопках в Ярославской губернии в 1896—1897 гг.— Архив ЛОИА, ф. 1, д. 52, л. 29—32; 2) Раскопки в Тимерево.— Архив ЛОИА, ф. 1, д. 82, 1900; Абрамов И. С. Раскопки в Ярославской губернии.— Архив ЛОИА, ф. 1, д. 71, 1908.

и обоснована «длинная» хронология Ярославских курганов, которые, по их мнению, сооружались уже в VIII—IX вв.⁵⁴ М. В. Фехнер предложила «короткую» хронологию, ранняя дата которой — конец IX в.

В основе детальной хронологии, разработанной М. В. Фехнер, лежит хронологическая шкала, построенная главным образом на датировках вещей скандинавского происхождения, остальные же категории погребального инвентаря используются преимущественно для выявления больших хронологических пластов.⁵⁵

Используя, с одной стороны, подобные приемы, а с другой — учитывая общие тенденции развития погребального обряда и группировку курганов в пределах могильника и выделяя ведущие признаки для каждого этапа, нами разработана новая хронология Ярославских курганов, в которой большое внимание уделено ранней группе погребальных комплексов, относящихся к IX столетию. В результате проведенного исследования было выделено несколько блоков признаков, характеризующих тот или иной этап существования могильников.

В Тимеревском могильнике из достоверных 359 погребальных комплексов в число датированных в пределах 50 лет с большей или меньшей долей вероятности можно включить 215, что составляет более 60% от общего количества. К IX столетию мы относим большую группу курганов 52 насыпи (около 15%). Общими признаками, выделенными нами для курганов IX в. Тимеревского некрополя, являются следующие: помещение кальцинированных человеческих костей кучкой или в разбросанном виде на материке или в насыпи, иными словами трупосожжение на стороне, наличие лепной керамики, костей жертвенных животных, каменной конструкции — камни располагаются по кругу или полукругом, а иногда с перекрещивающимися линиями камней внутри. Для погребений этого периода характерна чрезвычайная бедность погребального инвентаря. Наиболее часто встречаются костяные гребни, железные ножи, фрагменты ларчика и пояса, просверленные астрагалы. Хронологической основой являются фибулы типов, характерных для IX в.

Особого внимания заслуживает группа насыпей Тимеревского некрополя, относимых нами к IX в.; в них отмечены каменные конструкции в виде круга камней. Таких курганов насчитывается здесь 9. Кальцинированные человеческие кости и кости животных располагаются, как правило, кучкой на материке или в небольшой яме в центре круга, ограниченного камнями. Только в одном случае остатки сожжения были положены в урну — леп-

⁵⁴ Тихомиров И. А. Кто насыпал Ярославские курганы. Ч. II. — Труды II Областного историко-археологического съезда, с. 5; Станкевич Я. В. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X ст. — МИА, 1941, № 6, с. 82.

⁵⁵ Ярославское Поволжье X—XI вв., приложение.

ной баночный горшок без орнамента (курган 272). Последний тип обряда широко распространен в Скандинавии, в частности, в могильнике Бирки он доминирует в IX в.⁵⁶ Большая часть курганов (IX—X вв.) могильника Кварнбакен на Аландских островах содержит в основании различного рода каменные вместилища и кладки, в том числе здесь известны и подобные ярославским. Группа курганов IX столетия характеризуется минимальными средними размерами: диаметр — 7 м, высота — 0,7 м.

В пределах могильника эта описанная серия погребений топографически выделяется в группу, являющуюся древнейшим ядром некрополя. Она представляет собой вытянутую цепочку с севера на юг через центральную часть могильника, причем основная концентрация этих курганов наблюдается в южной его половине.

В некрополе у с. Михайловского к IX в. мы относим 16 курганов, что составляет 9% от общего числа насыпей, научная обработка которых возможна. В целом эти комплексы аналогичны Тимеревским. К сожалению, в Михайловском невозможно провести анализ топографического размещения насыпей разного времени в пределах могильника из-за отсутствия единого сводного плана всех раскопанных курганов.

Материалы, полученные при раскопках Петровского могильника, не позволяют четко выделять погребения IX в., и поэтому ранняя группа курганов здесь датируется IX — первой половиной X вв. В эту серию включено 15 насыпей — 12,5% от общего количества достоверных. В основной своей массе эти насыпи мало чем отличаются от аналогичных в Тимереве и Михайловском. Картография погребальных комплексов IX — первой половины X вв. Петровского могильника показывает, что они образуют древнейшую его часть, концентрируясь главным образом в восточной части некрополя.

Основываясь на материалах и предложенной нами хронологической шкале, можно подойти к данному вопросу следующим образом.

IX столетие — качественно новый этап в истории Ярославского Поволжья. Именно в это время, по нашему мнению, здесь начинается процесс формирования древнерусской народности. Однако, мы отнюдь не полагаем, что в IX в. уже полностью сложилось население, которое можно назвать древнерусским. В это время имелись налицо все компоненты, которые в конечном итоге определили путь и характер становления древнерусского общества на территории Ярославского Поволжья. Для этого необходимо определить основные исходные регионы передвижения населения, направление и характер. В районы, занятые финно-угорскими племенами, продвигается население

⁵⁶ Лебедев Г. С. Погребальный обряд скандинавов эпохи викингов. Автореф. канд. дис. Л., 1972, с. 11—12.

со стороны северо-запада, т. е. от Ладоги и новгородских земель. Основными участниками движения на Северо-Восток были словене новгородские, вместе с которыми в освоении новых земель принимали участие ославянившаяся северо-западная (чужд) и незначительные группы скандинавов. Погребения последних можно выявить среди древностей Ярославщины IX в.⁵⁷ Северо-Западное переселение — это традиционная точка зрения, высказанная еще в прошлом веке, однако ни историки, ни археологи того времени не давали научно обоснованных и развернутых доказательств в пользу этого тезиса.

Существовало мнение, что курганный обряд привнесен на Ярославщину выходцами из Скандинавии.⁵⁸ М. В. Фехнер, выделяя погребения IX в., датировала их, основываясь исключительно на находках скандинавских вещей, и не выявляла при этом раннего ядра некрополей, кроме насыпей со скандинавскими находками. Другой точки зрения придерживались Я. В. Станкевич и Е. И. Горюнова, полагая, что ранние комплексы связаны с погребальными сооружениями типа «сопок». А Я. В. Станкевич конкретизировала этот вывод и связывала сопки со славянскими племенами Новгородчины.⁵⁹ Эта точка зрения нашла свое дальнейшее развитие в работах П. Н. Третьякова.

Значительная серия погребальных комплексов IX в. (их около сорока) составляет, на наш взгляд, древнейшие части Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников. Это полусферические курганы с погребениями по обряду трупосожжения на стороне, причем кальцинированные кости расположены либо в насыпи, либо на материке. Эти курганы как раз и оставлены племенами, попавшими в Ярославское Поволжье примерно в одно и то же время со скандинавами, т. е. на протяжении IX в.

На территории новгородских земель был выявлен пласт курганов с трупосожжениями на стороне. Ряд ведущих исследователей относит его к погребальным памятникам новгородских словен VIII—X вв.⁶⁰ И. И. Ляпушкин сформулировал положение относительно принципов выделения достоверных славянских погребальных памятников VIII—IX вв. Таковыми он считал круг-

⁵⁷ Дубов И. В. Новые раскопки Тимеревского могильника.— КСИИ, 1976, вып. 146, с. 82—86.

⁵⁸ Тихомиров И. А. Кто насыпал Ярославские курганы. Ч. II.— Труды II Областного историко-археологического съезда, с. 248.

⁵⁹ Станкевич Я. В. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X ст.— МИА, 1941, № 6, с. 82; Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, 1961, № 94, с. 185.

⁶⁰ Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства.— МИА, 1968, № 152, с. 112—113, рис. 4; Седов В. В. Новгородские сопки.— САИ, 1970, вып. Е 1-3, с. 30—31, табл. XIX.

лые полусферические курганы с трупосожжением и лепной керамикой.⁶¹

Практически полное сходство насыпей, рассматриваемых И. И. Ляпушкиным и В. В. Седовым, и курганов анализируемой серии Ярославских могильников позволяет говорить об их близости. Основным аргументом в пользу этого, конечно, служит сам обряд погребения. Если нанести на карту памятники этого типа, то можно увидеть, что располагаются они по важнейшим водным путям — Мсте, Мологе — и выходят на Верхнюю Волгу в районе современного Рыбинского водохранилища.⁶² Необходимо отметить также, что наличие каменных конструкций — характерная черта круглых насыпей Новгородской земли.

Все вышеприведенные доводы позволяют нам говорить о ранней волне движения населения из районов Северо-Запада. Передвигавшееся население являлось, видимо, смешанным, оставляло различные погребальные памятники, было связано с транс-европейской торговлей, о чем говорят многочисленные клады арабских монет, зарытые в IX в. именно на этой территории.⁶³

Наиболее сложным представляется нам определить социальную структуру населения Ярославского Поволжья в IX в., а равно и общественную природу древнерусского заселения этого периода. Было бы слишком схематично говорить только лишь о торгово-ремесленном характере связей и движения. К сожалению, в данном случае археологические материалы являются чрезвычайно скудными и разрозненными, чтобы на них можно было бы построить социальную модель рассматриваемого процесса.

Материалы Ярославского Поволжья, относимые к IX столетию, не дают оснований для разделения погребальных памятников на какие-либо группы, кроме этнических. Этот вывод подтверждает и однообразие погребального обряда, одинаковые размеры насыпей и бедность инвентаря. Рассматриваемые погребения однородны по социальному статусу. На этом этапе заселения, видимо, осуществляли небольшие группы свободных общинников. Патриархально-родовой строй находился на стадии разложения, а раннефеодальное общество вступало только в период своего сложения. Это именно та стадия становления феодального общества, которая в работах историков последних лет на-

⁶¹ Ляпушкин И. И. Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII—IX вв.).— В кн.: Культура Древней Руси, М., 1966, с. 134.

⁶² Дубов И. В. Проблемы становления раннефеодального общества на территории Ярославского Поволжья. Автореф. канд. дис. Л., 1974, с. 12—13; Носов Е. Н. Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII—X вв.— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. VIII. Л., 1976, с. 95—110.

⁶³ Марков А. К. Топография кладов восточных монет СПб., 1910, с. 54; Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья (домонгольский период). М., 1956, с. 100—103.

зывается периодом племенных княжений, являвшихся непосредственными предшественниками государственных образований.

На стадии племенных княжений, когда родовые узы ослабевают, начинается освоение новых территорий и движение общинников, а в дальнейшем из них формируются различные слои древнерусского общества.⁶⁴ Материалы ярославских памятников IX в. характеризуют тот период, когда только формируются те пункты, где пошло дальнейшее развитие — племенные центры, крепости князей, отдельные пункты на магистральных торговых путях, с какими мы имеем дело в Ярославском Поволжье.

Открытое в 1973 г. селище у деревни Большое Тимерево абсолютно синхронно могильнику и связано с ним, они — единый комплекс. На территории селища найден клад аббасидских и умайядских дирхемов, зарытый в землю в последней трети IX в. В настоящее время определена ранняя часть поселения, которая находилась на южной стороне мыса и подходила вплотную к могильнику. Это селище было укрепленным — с напольной стороны прослежены остатки мощного частокола — и достигало площади 1 га. Ранний период существования поселения представлен столбовыми наземными жилыми постройками с очагами из камней, найдены производственные и хозяйственные сооружения. Для этого времени характерны комплексы только с лепной керамикой — формы, известные и по погребальным комплексам. На этом участке поселения найден клад дирхемов (2684 монеты), зарытый в последней трети IX столетия. Клад, видимо, был завернут в грубую ткань, на одной из монет обнаружен ее фрагмент. На нескольких монетах из этого клада обнаружены процарапанные знаки, в том числе одна надпись, нанесенная старшими рунами.⁶⁵ Эту надпись следует интерпретировать как «бог». Использование старших рун указывает на магическое значение надписи. Еще на нескольких монетах встречены либо отдельные руны, либо сочетания двух рун. Обнаружение рунических знаков на монетах тимеревского клада не может указывать на владельца этого сокровища, так как мы не знаем, когда нанесены эти граффити, но сам факт наличия скандинавских рун на кладовых монетах в рассматриваемом центре удивителен в связи с тем, что скандинавские комплексы известны в Ярославском Поволжье уже с IX столетия. В состав Тиме-

⁶⁴ Мавродин В. В. О племенных княжениях восточных славян. — В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, с. 47—54.

⁶⁵ Дубов И. В. Находки скандинавских вещей в Тимерево под Ярославлем. — Тезисы VII Всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии, 1976, ч. I. Л.—М., с. 155—156; Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Рунические надписи и скандинавская символика на куфических монетах. — Там же, ч. II. Л.—М., с. 61—63.

ревского комплекса входит еще один клад аббасидских дирхемов (около 1500 монет), зарытый в землю в IX в.⁶⁶

Итак, в IX — начале X вв. в Тимереве существовало поселение площадью до 1 га, курганный могильник, включающий 52 насыпи, 2 клада аббасидских дирхемов. В материалах как погребальных комплексов, так и построек, вскрытых на поселении, представлены находки северо-западного происхождения — лепная керамика баночных форм, аналогичная сосудам из курганов IX в. Новгородчины, железные ножи, шипы, наконечники стрел, грузила, глиняные пряслица, гребни с северным орнаментом, вещи скандинавского облика. На этом участке не найдено ни одной вещи местного финно-угорского типа.

Видимо, в IX — начале X вв. Тимеревский комплекс имел характер и значение центра древнерусской колонизации и носил соответствующую этническую окраску. Лишь позднее (в середине X в.) он становится местом стягивания и местного населения, подвергшегося сильному влиянию со стороны пришлых людей. Первоначально Тимеревский поселок имел довольно слабые связи с округой, хотя и оказывал на нее свое влияние, которое, безусловно, имело и обратный характер. Этот процесс привел к образованию в X в. многоэтничного протогородского центра на Которосли, связанного и обязанного своим существованием дальним связям по Великому Волжскому пути.

В X в., когда начинается активный процесс становления древнерусского общества на этих окраинных землях, вся территория северо-восточной Руси покрывается густой сетью курганных могильников и поселений. Изучены лучше всего погребальные древности этого периода.

Основная часть погребальных комплексов Ярославских могильников относится к X в., где в это время является господствующим обряд трупосожжения, совершенного на кострище на месте насыпания кургана. В Тимеревском и Михайловском могильниках удалось вычленить группы, связанные главным образом с первой половиной столетия. Ведущими признаками здесь являются: кострище с кальцинированными костями человека и животных; наличие урны с костями, причем урна ставится на кострище; имеются камни, разбросанные по кострищу или сложенные вокруг ури; появляются деревянные обугленные плахи, но пока не составляющие большинства. Характерно обилие вещественного инвентаря — фибулы, гребни, бусы из стекла, горного хрусталя и сердолика, распространяются глиняные лапы и кольца. Размеры курганов увеличиваются по сравнению с насыпями IX в. (средние индексы здесь такие: диаметр — 7,5 м,

⁶⁶ Ярославский край. Сборник документов по истории края (XI век — 1917 год). Ярославль, 1972, с. 11. — Датировка клада (IX в.) определена С. А. Яниной.

высота — 0,75 м — в Тимереве, диаметр — 9 м, высота — 0,9 м — в Михайловском).

На примере Тимеревского могильника удается проследить топографическую локализацию курганов этого времени. Эта группа является переходной от сожжений на стороне IX в. к погребениям середины X столетия и занимает промежуточное между ними положение в юго-западной части могильника ближе к его центру. В некрополе у деревни Большое Тимерево в эту серию входят 16 насыпей — 4,4% от общего числа.

Михайловский курганный могильник первой половины X в. представлен погребальными комплексами (11%).

Погребальные комплексы, датирующиеся серединой X в., выявлены во всех 3 могильниках под Ярославлем. На это время приходится большая часть курганов с погребениями по обряду трупосожжения на кострище. В Тимеревском могильнике к этой серии относятся 69 насыпей (16,7%). Курганы середины X столетия составляют здесь основное ядро, занимая все его поле, кроме юго-восточной части. Размеры насыпей в это время максимальные: средние индексы — диаметр 8 м, высота 0,8 м. К середине X в. относится большая серия погребальных комплексов с фибулами скандинавских типов, которые достигают максимального распространения в Ярославских могильниках именно в это время.⁶⁷

Ведущей группой середины X в. являются курганы с погребениями по обряду трупосожжения на кострищах и наличием остатков сгоревших деревянных конструкций. Эти насыпи составляют большинство в серии середины X столетия (48—70%).

В большинстве насыпей, в которых зафиксированы остатки деревянных сооружений, встречаются и камни, по-видимому, связанные с этими сооружениями.

Характерны для этих курганов вещи местного происхождения — лапы и кольца, копоушки, астрагалы бобра, круглодонная керамика.

Как и в Тимеревском могильнике, в Михайловском для середины X в. характерны кострища с деревянными конструкциями. Здесь они составляют около 60% от всего количества насыпей, относимых к этому времени. Вещи аналогичны находкам в Тимереве. В это время здесь также наблюдается большое разнообразие вариантов обряда, но общий их список ничем не отличается от тимеревского.

24 насыпи (20%) Петровского могильника можно датировать серединой X в. Эти курганы дают интересную топографическую локализацию — часть из них располагается в восточной

⁶⁷ Дубов И. В. Проблемы хронологии предметов скандинавского происхождения из Ярославских могильников. — В кн.: Тезисы докладов V Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии, 1971. М., с. 21—24.

группе, где встречены кроме них только насыпи IX — первой половины X вв., а остальные занимают юго-западную окраину основного скопления насыпей, где они составляют довольно компактную группу.

Средние размеры курганов середины X в. в Петровском могильнике: диаметр — 7 м, высота — 0,7 м. Они практически ничем не отличаются от аналогичных насыпей в Тимереве и Михайловском.

Заканчивая анализ серии курганов Ярославских могильников середины X столетия, следует коротко остановиться на основных чертах характеризующих их. Курганы середины X в. достигают самых больших размеров — это видно по динамике изменений, происходящих с IX столетия. В Тимеревском и Петровском могильниках они составляют основную часть некрополей. На их долю приходится большинство насыпей с импортами (фибулы) и оружием.

Характерной чертой для них является наличие на кострищах остатков деревянных конструкций в виде обуглившихся плах, а также камней. Именно в это время ярко проявляются многочисленные варианты обряда — ямки, урны, перевернутые урны и т. д., связанные между собой наличием кострищ. Разнообразен и погребальный инвентарь — весы, гирьки, стрелы, глиняные лапы, кольца, копоушки, поясные наборы, подковообразные фибулы, бусы, шипы, ножи и т. д. По-прежнему продолжает господствовать лепная керамика, среди которой достаточно много сосудов с округлым дном, но гораздо чаще, чем раньше, встречается керамика гончарная.

Таким образом, по нашему мнению, середина X в. является временем расцвета культуры, носители которой оставили эти могильники.

Во второй половине X в. продолжают существовать все варианты погребальной обрядности, сформировавшиеся на протяжении двух столетий. Этот период представлен незначительным количеством насыпей во всех 3 могильниках. По-прежнему доминирующим признаком остается кострище, но существенно сокращается разнообразие размещения кальцинированных костей человека. Практически не встречаются остатки деревянных конструкций на кострищах. Наряду с лепной керамикой часто встречаются и фрагменты гончарной посуды. Размеры курганов уменьшаются: в Тимереве средний диаметр — 7 м, а высота — 0,7 м, а в Петровском они составляют соответственно 6 м и 0,6 м. В этих могильниках курганы второй половины X в. топографически располагаются на перифериях основных скоплений середины столетия — главным образом на границах с зонами, где большую часть составляют насыпи с погребениями по обряду трупоположения.

В Тимеревском некрополе к этому времени относится 12 насыпей (3,8%). В половине из них найдена гончарная керамика.

В Михайловском могильнике только 3 насыпи можно, на наш взгляд, достоверно датировать второй половиной X в. Из курганов Петровского могильника 9 насыпей (7,5%) датируются нами второй половиной X в. Все курганы этого периода характеризуются наличием погребений на кострищах и крайней бедностью погребального инвентаря. Здесь того многообразия, которое наблюдалось в середине века, сейчас уже не встречается.

В конце X в. в Ярославских могильниках происходит резкая смена погребального обряда — на смену трупосожжению приходит ингумация, распространение которой наблюдается в XI—XII столетиях.

В X в. Тимеревское селище достигает апогея своего развития. В это время селище занимает площадь около 10 га, что существенно отличает его от сельских поселений, размеры которых, как правило, не превышают 2 га.⁶⁸ На селище выявляется определенная планировка, жилые дома располагаются в комплексе с хозяйственными и производственными сооружениями в виде небольшой усадьбы. Конструкции сооружений в целом сохраняют схему IX в. — столбовые наземные постройки. Однако в X столетии появляется новый тип постройки — это жилища с углубленным длинным входом, служащим для сохранения тепла и снижения сырости в основном помещении. Этот вход, как правило, расположен под прямым углом к основному сооружению. Очаги из камней располагались либо сразу за входом, либо у задней стенки собственно жилища. Пол входа и жилого помещения устилался деревом.

На основании найденных материалов можно определить направления связей. Найдены арабские монеты, восточные бусы, пояса, украшения, костяные изделия; болгарская керамика; скандинавские вещи. Существует и самостоятельное ремесло. Наиболее яркими подтверждениями этому являются находки литейной мастерской (1974 г.)⁶⁹ и клада ювелирных инструментов (1975 г.). В инвентаре хорошо прослеживаются северо-западные славянские черты и местные финно-угорские. Весь облик материала говорит о протогородском торгово-ремесленном характере поселения и о смешанном этническом составе его обитателей. Следует отметить, что находки сельскохозяйственного инвентаря в курганах X в. и на самом поселении Тимеревского комплекса — исключительная редкость. Анализ костного материала с поселения говорит о занятиях его жителей охотой и рыболовством, Животноводство было развито слабо.⁷⁰

На материалах X в. можно уже говорить о наличии социальной дифференциации в Ярославском Поволжье — в это время

в могильниках наблюдается сосуществование «богатых» и «бедных» погребальных комплексов. Критериями для их выявления служат и размеры курганов, и разнообразие инвентаря, в состав которого входит оружие, в том числе такие дорогие вещи, как франкские мечи, наборы украшений одежды и конской сбруи, весы, гирьки, серебряные монеты. Поскольку в погребальном обряде и инвентаре наблюдаются разноэтничные черты и в одно время насыпаны «разные по богатству» курганы, социальную дифференциацию здесь невозможно объяснить хронологическими или этническими различиями. Аналогичная картина наблюдается и на поселении. Достаточно сказать, что постройка, где найден клад ювелирных инструментов, резко выделяется и по своим размерам, и по набору находок среди остальных, хотя она, судя по всему, не была мастерской, а носила жилой характер. В X в. в Ярославском Поволжье сокращается количество скандинавских погребений до минимума, но в то же время в богатых комплексах можно выделить большое количество предметов северного происхождения. Этот факт объясняется тем, что в это время Древняя Русь выходила на широкую торговую арены и естественно, что в погребения ее господствующего слоя попадают иноземные вещи; на Волге это предметы скандинавского и восточного происхождения, и позднее (в XI—XIII вв.) и западноевропейские.

В X в. протогородские центры в Ярославском Поволжье продолжают играть авангардную роль в освоении славянами огромной территории от Белоозера до Муром, хотя в этот период, видимо, резко усиливается самостоятельное движение из Новгородчины в Белозерье и из юго-западных земель в Ростово-Суздальское ополье.

Следующим этапом в истории Северо-Восточной Руси является собственно эпоха становления раннефеодального общества, когда древнерусское население уже сформировалось, когда сюда хлынула новая волна переселения, охватывающая уже большие районы и носящая характер княжеско-дружинной и сельскохозяйственной. Заканчивается период племенных княжений, и Северо-Восток вступает в стадию формирования древнерусского государственного раннефеодального организма. Ярославское Поволжье к этому времени уже утрачивает свою ведущую роль, ослабевают его воздействия и связи с Белоозером и Владимиро-Суздальским ополем.

В Тимеревском могильнике исследовано 78 документированных курганов, содержащих погребения по обряду трупоположения, что составляет 22% от общего количества. Курганы с трупоположением четко локализируются в юго-восточной части некрополя и составляют там довольно замкнутую группу. Размеры таких насыпей минимальные по сравнению с огромной массой курганов, в которых представлен обряд трупосожжения, и составляют в среднем 6 м в диаметре и 0,6 м в высоту. Костяки

⁶⁸ Успенская А. В., Фехнер М. В. Поселения Древней Руси.—В. кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.—Труды ГИМ, 1956, с. 15.

⁶⁹ Дубов И. В., Кухарева Л. С. Раскопки Тимеревского поселения.—АО 1975. М., 1976, с. 64—65.

⁷⁰ Определения остатков фауны произведены Н. М. Ермоловой.

располагаются главным образом на материке, ориентировка в основном западная с небольшими отклонениями, иногда встречаются пережиточные традиции обряда трупосожжения — зола и угли под костяками, рядом с ними или выше них. Погребальный инвентарь характеризуется чрезвычайной скудостью и однообразием — керамика лепная и гончарная, ножи, оселки; на смену богатым поясным наборам приходят находки главным образом пряжек и поясных колец, изредка встречаются стеклянные бусы, височные кольца, шиферные пряслица, гребни. Кости животных, в основном коровы, овцы, лошади, свиньи, продолжают встречаться и находят их в верхней части насыпи. Варианты обряда трупоположения (на материке, в насыпи, в материковой яме) в Тимеревском могильнике не расчленились, но это и не подтверждает вывода об их одновременности.

Раскопки Михайловского могильника выявили 40 курганов с погребениями по обряду трупоположения (23%). Средние размеры их также минимальные: диаметр — 5 м, высота — 0,5 м. В некрополе у с. Михайловского гораздо чаще отмечено положение костяка в верхней части насыпи (14—35%), зато только в одном случае для этой цели была вырыта материковая яма. Инвентарь практически ничем не отличается от находок в Тимереве.

В Петровском могильнике трупоположения отмечены в 41 случае (33%). Здесь полностью господствует положение костяка на материк, только один раз он был вынесен в верхнюю часть насыпи. Средние размеры аналогичны Тимеревским и Михайловским. Топографически трупоположения занимают северную окраину основной группы насыпей в Петровском. Здесь, как и в Тимереве, четко выделяется поздняя часть некрополя. Необходимо отметить, что материалы и этих двух могильников не дают нам оснований для утверждений о одновременности или одновременности различных вариантов обряда трупоположения. Однако истоки свои все они берут из обрядности предыдущего времени, наиболее четко проявившиеся в выборе места помещения человеческих костей, — кальцинированные кости человека размещались главным образом на материке, в верхней части насыпи, в ямке под кострищем. Аналогичную картину мы имеем и с трупоположениями — материк, насыпь, грунтовая яма.

Курганы с погребениями по обряду трупоположения XI—XIII столетий встречаются достаточно широко по всей территории Ярославского Поволжья. В большинстве своем они аналогичны друг другу, однако, несмотря на это, материал позволяет определить ареалы распространения того или иного варианта обрядности и построить хронологическую шкалу, выявив господствующие черты различных этапов. Следует отметить, что большинство погребальных памятников этого периода раскапывалось в дореволюционное время и документация очень некачественная. Поселения исследовались уже в советское время.

В 30-е годы экспедицией ГАИМК проводилось главным образом их разведочное обследование,⁷¹ а широкие раскопки относятся уже к послевоенному периоду.⁷²

В литературе неоднократно высказывалась точка зрения, что трупоположения на материке хронологически непосредственно следуют за трупосожжениями и уже позднее на смену им приходит размещение костяка в могильной яме под курганом, вырытой в материке. Весьма убедительно это положение доказано в работах Т. Н. Никольской, занимавшейся изучением курганов Верхней Волги.⁷³ Она полагает, что курганы с трупоположениями на материке относятся к XI — середине XII вв. (классификация Т. Н. Никольской), а насыпи с погребениями в ямах связываются ею со второй половиной XII—XIII вв. Н. Г. Недошивина присоединяется к вышеуказанной точке зрения.⁷⁴

В Ярославских могильниках (Тимеревском, Михайловском и Петровском) известны трупоположения и на материке, и в могильных ямах.

В этих некрополях основную массу трупоположений составляют погребения на материке. Известны лишь единичные случаи помещения костяков в ямах — в Тимереве — 7, в Михайловском — 1. Это можно объяснить тем, что указанные могильники перестают существовать на раннем этапе развития обряда трупоположения в Ярославском Поволжье.

В XI—XIII вв. в исследуемых районах наиболее широко распространены небольшие курганные группы, которые, как правило, связаны с селищами, также незначительными по площади. Показательными примерами являются археологические комплексы Харитоновский, Пекшинский, Золоторучье, Богоявленский и др. В большинстве случаев исследователи отмечали, что оба варианта трупоположения на материке и в ямах сосуществуют в пределах этих кладбищ.⁷⁵ Для курганных могильников периода XI—XIII вв. характерны также обкладки насыпей камнями, представляющие собой настоящий каменный панцирь. Эта черта зафиксирована в некрополях бассейна рек Мологи, Черемухи, а на Волге неподалеку от Ярославля. Топографическое размещение их в общем аналогично расположению археологических памятников XI—XIII вв. в Ярославском Поволжье. Каменные

⁷¹ Археологические исследования Академии на новостройках в 1932—1933 гг. — ИГАИМК, 1935, вып. 109, с. 162—165.

⁷² Фехнер М. В. Селища Ярославского Поволжья X—XIII вв., с. 183—196.

⁷³ Никольская Т. Н. 1) Курганы Верхней Волги X—XIII вв. — КСИИМК, 1948, вып. XXIII, с. 104—106; 2) Хронологическая классификация Верхневолжских курганов. — КСИИМК, 1949, вып. 30, с. 32—39.

⁷⁴ Недошивина Н. Г. Погребальный обряд вятичей XI—XIII вв. Автореф. канд. дис. М., 1974, с. 9.

⁷⁵ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. — МИА, 1961, № 94, с. 205—207; Смирнов А. С. Отчет о разведках в Тутаевском районе в 1963 году. — Архив ИА АН СССР. Р-1. 2802, л. 5.

обкладки насыпей фиксировались в основном археологами до революционного периода и в 20-х годах нашего столетия. Уже тогда отмечалось, что из рассказов местных жителей известно о фактах использования камней с курганов для различного рода строительных работ.⁷⁶ Отсюда можно сделать вывод, что какая-то часть этих каменных «панцирей» до нас просто не дошла. Несомненно одно — на территории Ярославского Поволжья в XI—XIII столетиях был распространен обычай обкладывать курганы камнями по всей поверхности или вокруг основания насыпи. Т. Н. Никольская полагает, что указанный признак является поздним, позволяющим четко отличать курган с труположениями от насыпей с погребениями по обряду кремации.⁷⁷

И дореволюционными, и советскими авторами неоднократно отмечалось наличие углей или золы рядом, под или над костяком.⁷⁸ На ближайшей территории в Подмосковье на этот факт указывает Н. Г. Недошивина.⁷⁹ По данному вопросу мнение большинства исследователей однозначно — все склонны видеть в этом пережитки обряда трупосожжения.⁸⁰ В середине XIII в. большинство поселений и могильников, с ними связанных, перестают функционировать, и хотя некоторые поселения продолжают существовать и в более позднее время, этот период можно считать финалом древнерусской курганной культуры на территории Ярославского Поволжья.

Белоозеро

Вторым важнейшим районом, где представлены материалы IX в., является Белоозеро. Однако Л. А. Голубева выделяет здесь только отдельные вещевые находки IX в. и отмечает, что слоя этого времени обнаружить не удалось.⁸¹ Большая категория вещей — ряд бус, некоторые типы односторонних фризских гребней, железные кубические замки, своеобразная орнаментация костяных изделий (плетенка), пронизки из рубчатой серебряной проволоки (скорее всего, подражание скандинавским образцам) и ряд других находок — имеет более широкую дату, нежели X в. и заходят в IX столетие. Учитывая крайнюю неразработан-

⁷⁶ Тихомиров И. А. Отчет о раскопках Евчаковского курганного кладбища. — Фонды Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника.

⁷⁷ Никольская Т. Н. Хронологическая классификация... с. 8.

⁷⁸ Сабанеев Н. П. Описание курганов Мологского уезда. — Труды Ярославского губернского статистического комитета, 1868, вып. IV, с. 76—78. Коробков Н. М. Прозоровские могильники (Мологский уезд Ярославской губернии), вып. 1. Молога, 1928, с. 7.

⁷⁹ Недошивина Н. Г. Погребальный обряд вятичей XI—XIII вв., с. 9.

⁸⁰ Горюнова Е. И. Этническая история. Волго-Окского междуречья. — МИА, 1961, № 94, с. 206; Смирнов А. С. Отчет о разведках в Тутавском районе в 1963 году. — Архив ИА АН СССР. Р-1, л. 4.

⁸¹ Голубева Л. А. Вещь..., с. 65.

ность типолого-хронологической шкалы для IX в., можно думать, что и некоторые другие вещи могли бытовать в этот период.

Конечно, отсутствие закрытых комплексов не позволяет нам с твердой уверенностью говорить о существовании Белоозера в IX столетии на основании материалов, добытых экспедицией под руководством Л. А. Голубевой. Тогда это противоречит летописному сообщению, где Белоозеро названо уже городом под 862 г. Вопрос, видимо, должен быть поставлен иначе. В связи с этим следует обратить пристальное внимание на сообщение местной легенды, по которой Белоозеро было первоначально основано на северном берегу Белого озера, затем перенесено к истоку Шексны⁸² (город, раскопанный Л. А. Голубевой).

Л. А. Голубева, локализуя древнее Белоозеро, упомянутое летописью под 865 г. на правом берегу Шексны, опирается на сообщение летописца Троицкого Усть-Шехонского монастыря «о зачале граде Белоозера, что в старом Городище» (рукопись XVII в. — собрание ГПБ). Безусловно, по отношению к восприятию XVII в. Белоозеро X—XIV вв. было уже старым городом, тем более, что с XV столетия уже существовал город Белозерск на том же самом месте, где он стоит и сейчас. Исходя из этого, необходимо искать летописное Белоозеро в другом месте, и, возможно, как гласит легенда, на северном берегу озера, историческая обоснованность которой подтверждается тем, что именно в X столетии явление переноса городов встречается часто в Северо-Восточной Руси.

Весьма сложен вопрос о времени освоения Белозерского края древнерусскими поселенцами и о районе, откуда они пришли. Л. А. Голубева, относя начало заселения славянами к X в., отмечает, что в районе Белоозера отсутствуют славянские курганы с трупосожжениями IX в., известные на Новгородчине. Все это ставит под сомнение возможность движения в IX в. из новгородских земель в Белоозеро, а затем по Шексне в Ярославское Поволжье. М. В. Фехнер полагала, что Ярославские могильники оставлены весью, пррдвинувшейся сюда из Белоозера, однако заключение ее никак не обосновано.

Последующие попытки выявить северо-западные финно-угорские этнические компоненты в материалах Ярославских и Владимирских курганов имеют также декларативный характер.⁸³

Между тем в материалах Ярославских памятников и раннего Белоозера можно найти достаточно много сходных черт и вещей. Это и керамика, система орнаментации сосудов зубчатым штампом, мозаичные бусы, предметы вооружения, гребни, изделия из кости, глины и т. д. Видимо, это сходство не случайно,

⁸² Новгородский сборник, вып. 1. Новгород, 1865.

⁸³ Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. — МИА, 1970, № 179, с. 128; Рябинин Е. А. Финно-угорские элементы..., с. 10—11.